

Крашенинникова Татьяна Петровна, Шувалова Елена Михайловна

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА УЧАЩИХСЯ ШКОЛ I СТУПЕНИ Г. КАЗАНИ В 1918-1920 ГГ.

В статье анализируются особенности организации и функционирования школьной сети г. Казани в первые послереволюционные годы (1918-1920). Рассматривается реализация одного из ключевых принципов Декрета ВЦИК РСФСР "О единой трудовой школе" об обязательности обучения. На основе архивных документов изучены процесс комплектования и состав учащихся русских городских школ I ступени, выявлены причины отсева учеников, в том числе влияние социально-экономических факторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 103-107. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Курмыш (3 166 чел.) [3]. Данное соотношение указывает на интенсивные процессы урбанизации лишь в городах Симбирске и Сызрани. Также стоит отметить уездный город Ардатов, в котором в течение второй половины XIX века прослеживалось сокращение численности практически всех сословий, кроме военных чинов. Возможно, подобная тенденция объясняется удаленностью города от центра губернии и губернского города.

Самым многочисленным социальным слоем горожан в Симбирской губернии второй половины XIX века было мещанство, на втором месте – крестьяне. Причем доля мещан к концу XIX века повышалась, а доля крестьян понижалась, что указывает на постепенное преобладание в городах истинно городских сословий. Представители привилегированных сословий, дворянство и духовенство, играя большую роль в социокультурном, духовном и административном развитии городов, составляли лишь 3% городского населения губернии.

Список источников

1. Глазычев В. Л. От сельской культуры к урбанизации // Культура в советском обществе. М., 1988. С. 36-46.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 48. Оп. 1.
3. Первая всеобщая перепись населения. СПб., 1904. Т. XXXIX. Симбирская губерния. 105 с.
4. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. 449 с.
5. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.
6. Списки населенных мест по сведениям 1859 г. СПб.: Изд. Центральным статистическим комитетом МВД, 1863. Т. 39. Симбирская губерния. 138 с.
7. Тюрин В. А. Структура, численность и социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Самарского университета. 2013. № 8 (109): в 2-х ч. Ч. 2. С. 92-98.
8. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-62 гг. СПб.: Типография К. Вульфа, 1863. Ч. II. 909 с.

SOCIAL COMPOSITION OF THE URBAN POPULATION OF SIMBIRSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Korneeva Yuliya Vasil'evna, Ph. D. in History
Volga Region State University of Service, Tolyatti
jullka55@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the social structure of the towns of Simbirsk province in the second half of the XIX century. Each town of the province during the period under study passed its unique path of development and contributed to the emergence of the uniqueness of the region. The social component of the singularity of the regional towns of the region was formed from the number and class hierarchy. The paper gives an overview of the statistical data contained in archival documents as well about the dynamics of changes in social characteristics of the regional towns of Simbirsk province during the period under study.

Key words and phrases: town; Simbirsk province; the second half of the XIX century; urban population; urbanization; petty bourgeoisie; merchant class; nobility; Simbirsk; Syzran.

УДК 93.94

Исторические науки и археология

В статье анализируются особенности организации и функционирования школьной сети г. Казани в первые послереволюционные годы (1918-1920). Рассматривается реализация одного из ключевых принципов Декрета ВЦИК РСФСР «О единой трудовой школе» об обязательности обучения. На основе архивных документов изучены процесс комплектования и состав учащихся русских городских школ I ступени, выявлены причины отсева учеников, в том числе влияние социально-экономических факторов.

Ключевые слова и фразы: Народный комиссариат просвещения; единая трудовая школа; г. Казань; многонациональный состав населения; русские городские школы I ступени; контингент учащихся; анкетирование; статистика.

Крашенинникова Татьяна Петровна, к.и.н., доцент
Шувалова Елена Михайловна, к. пед. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
tatyana.vdovina@mail.ru; elena.shuwalowa2011@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА УЧАЩИХСЯ ШКОЛ I СТУПЕНИ Г. КАЗАНИ В 1918-1920 ГГ.

Реформирование системы школьного образования в советской России проходило в сложных условиях гражданской войны. Целый спектр проблем социально-экономического и политического характера имел непосредственное отношение к процессу формирования контингента учащихся первых советских школ.

В Казанской губернии реализация школьной реформы в первые три года существования советской власти (1917-1920) носила сложный и противоречивый характер. Самым напряженным стал период с февраля по октябрь 1918 г., когда функции единого органа управления – комиссариата по просвещению Казанской губернии – не были четко определены и дублировались различными структурами, начиная с земств и заканчивая исполкомами Советов крестьянских депутатов. Кроме того, в ходе проведения реформы необходимо было учесть особенности многонационального состава населения губернии и обеспечить его право обучения на родном языке. В силу данной специфики в мае 1918 г. было сформировано пять отделов народного образования: русский, татарский, чувашский, марийский и других «мелких народностей». При проведении реформы власти вынуждены были учитывать позицию мусульманских и православных общин по внедрению в жизнь положений об отмене преподавания религиозного вероучения, о введении совместного обучения и др., в результате чего «в мусульманских школах устранение преподавания религии удалило на время часть учащихся из школ» [1; 2; 4, д. 103, л. 132; 9].

Организацией школьной сети в городе занимался Казанский городской подотдел губернского отдела народного образования с двумя школьными секциями: русской и татарской. 1 декабря 1918 года Казанский городской отдел народного образования был выделен в самостоятельную единицу. 3 октября 1919 г. он был вновь объединен с губернским отделом, а подотдел единой трудовой школы был разделен на четыре секции, включая школьно-трудовую, которая начала действовать с ноября 1919 г. [4, д. 103, л. 122 об., 133].

Формирование сети школ советского типа началось с реализации Декрета СНК РСФСР от 5 июня 1918 г. о передаче в ведение Народного комиссариата просвещения (НКП) учебных и образовательных учреждений заведений всех ведомств. Процесс был временно прерван, когда Казань в августе-сентябре месяце была занята войсками Чехословацкого корпуса и Народной армией Комуча. После освобождения города 10 сентября 1918 г. частями Красной армии работа была продолжена [Там же, д. 79, л. 13-18].

Декрет ВЦИК РСФСР «О единой трудовой школе» от 16 октября 1918 года стал тем поворотным пунктом, той «октябрьской революцией», которая, по признанию руководителей губернского отдела школьного образования, положила начало реализации школьной реформы в практической области [Там же, д. 103, л. 25].

Школы с преподаванием предметов на русском языке, или, как тогда их называли, русские школы, и на старо-татарском на основе арабской графики, или мусульманские школы, были образованы в пределах традиционного расселения русского и татарского городского населения. Русские школы были сосредоточены в центральной части города. Советские мусульманские школы стали функционировать в местах компактного проживания татар, где традиционно располагались мечети, медресе и мектебы. Что касается многочисленных фабричных и заводских слобод, располагавшихся на окраинах города, то здесь функционировали как русские, так и татарские школы, созданные, как правило, на базе городских начальных училищ.

Необходимость учета точного количества школ и учащихся была продиктована, прежде всего, реализацией принципа обязательности обучения, финансированием школ, закупкой учебной литературы и наглядных пособий, обеспечением детей горячими обедами, выделением обуви и одежды нуждающимся ученикам. В ноябре 1918 г. Городская русская секция народного образования сделала попытку собрать данные о состоянии школ. Представленные сведения в силу незавершенности процесса комплектования школ не отличались полнотой и достоверностью [5, д. 6, л. 1-57]. А. С. Круглов, как очевидец событий и руководитель отдела образования, констатировал, что в 1918 г. «все школьное население – учащие, учащиеся и даже служители, были страшным образом перетасованы, сгружены частью и чуть ли ни в большей [степени] совершенно удалены из стен школы». Более того, в этот период «самочинно» возникали и без должной поддержки «умирали» школы. Вывод был однозначным: принцип обязательности обучения детей школьного возраста в городе не выполнялся [4, д. 17, л. 1-2].

Наибольшее количество документов с информацией о контингенте школьников начальных классов сохранилось в делах, содержащих информацию о русских школах. Документы мусульманских школ, выполненные в основном на старо-татарском языке, также хранятся в архивных фондах и требуют специального изучения [6, д. 143, л. 1-12, д. 144, л. 1-9].

Процесс формирования первого состава русских школ I ступени можно проследить по сохранившимся немногочисленным спискам детей школьного возраста с указанием фамилий, возраста учеников и в редких случаях – сведений о родителях по состоянию на ноябрь 1918 г. Большинство фамилий сопровождалось припиской «вновь». Речь шла о детях 8-9 лет, впервые записанных в начальную школу и территориально проживавших в близлежащем районе [Там же, д. 85, л. 3-35].

Имеются также собственноручно написанные заявления родителей с просьбой принять их детей в советскую школу. Лексические обороты «имею честь просить зачислить» и «прошу зачислить» в некоторых случаях сопровождалась записью «сочувствую коммунистам» или «в политических организациях не участвую». К заявлениям прилагались справки об оспопрививании, метрические свидетельства и учебные таблицы, свидетельствовавшие о прохождении обучения в дореволюционных учебных заведениях. В графе «род занятий» фигурировали провизоры, служащие банка, конторщики, счетоводы, портнихи, безработные («повар без дела», «дохода нет, так как нет работы») и др. [Там же, л. 43-54].

Встречаются заявления, написанные от лица беженцев, прибывших в город в годы Первой мировой войны. 18-летняя Роза (Розия?) Азольевна Гембицкая, представив «беженское удостоверение», просила зачислить в школу малолетнего брата Якова (12 лет) [Там же, л. 36]. К документам 13-летней Доминики (Домны) Савчук приложено удостоверение Казанского городского комитета по оказанию помощи беженцам от 29 июня 1917 года в том, что она прибыла в Казань из Брестского уезда Гродненской области. В семье было пять детей, отец работал сторожем и получал 9 руб. [Там же, л. 42-46]. Беженцы встречались также среди преподавателей. В школе № 34 I ступени в этот период работали бывшая начальница Ревельской женской гимназии, преподаватель

русского языка и пения Екатерина Феодосьевна Петропавловская и Стефанида Львовна Курилович из Гродненской губернии [5, д. 6, л. 31-32].

Просьба о зачислении детей в советскую школу содержится в заявлениях представителей татарских купеческих кругов. Фатыма Галимовна Сайдашева просила принять в первый класс сына Амина Мухамедзяновича, до этого обучавшегося в смешанной гимназии А. Л. Урванцевой [6, д. 85, л. 39]. Ибрагим Сулейманович Идрисов, отец 13-летней Галии, в анкете указал, что занимается книгоиздательством и имеет доход около 3 тыс. руб. в год. Мещанин Исхак Анимаев представил в школу удостоверение о рождении его сына Мухаметгалея, выданное указным муллою мечети № 10 г. Казани Габдуллоей Габдулбадиговым 5 ноября 1918 г. (угловой штамп, круглая печать и текст документа выполнены на кириллице) [Там же, л. 41-42].

Таким образом, несмотря на сложность перехода к новой системе образования, в Казани в 1918 г. начался процесс комплектования советских школ I ступени детьми в возрасте от 8 до 13 лет. К 1 декабря 1918 г. в городе, по неполным данным, насчитывалось 88 школ первой ступени (из них 25 мусульманских – 28%) и 14 школ второй ступени (из них три мусульманские – 21%). Все школы были пронумерованы, снабжены печатями и угловыми штампами с указанием названия школы и адреса. По словам заведующего ГОРОНО А. С. Круглова, решение о передаче латышских, еврейских и польских школ в ведение НКП несколько затянулось. В результате ученики были перераспределены в школы советского типа по месту проживания. В то же время отдел по-прежнему не располагал точными сведениями о числе учащихся по школам [4, д. 17, л. 1-2].

Итоги учебного года (1918/1919) в плане посещаемости занятий оказались неутешительными. В городском отделе народного образования была составлена сводная таблица о состоянии 50-ти школ I ступени. В основу были положены краткие отчеты председателей школьных советов, сделанные на городском собрании 2 июня 1919 г. По приблизительным данным, по состоянию на май 1919 г. в школах обучалось в общей сложности 8109 учеников [5, д. 5, л. 97-102]. В мае-июне учащиеся должны были работать на пришкольных участках и совершать экскурсии по близлежащим окрестностям. Такая форма занятий соответствовала первоначальным идеям и задачам трудовой школы. В реальности она была принята негативно как рядом преподавателей, так и родителями, а опыты со школьными огородами воспринимались как пустая забава: «Работаем дома, теперь еще и в школе». В итоге на май и июнь месяцы на занятия записался только каждый третий ученик [4, д. 103, л. 97-102].

Причины пропуска школьниками учебных занятий коренились в природе социально-экономического положения населения г. Казани и были типичными для большинства губерний России. Самой распространенной оставалась материальная составляющая: «жалуют обувь и одежду» и «общие тяжелые жизненные условия». Снабжение всех детей одеждой и обувью в городских школах в полном объеме не могло быть осуществлено, и школы, как правило, отчитывались общей фразой – одеждой и обувью обеспечены только крайне нуждающиеся. То же самое касалось обеспечения учеников горячими завтраками и обедами. «Очень ненормально, что отделы народного образования должны превращаться, кроме всего прочего, еще в органы снабжения продовольствием, одеждой, обувью», – сетовали представители народного образования [Там же, л. 28, 148].

Отмечается также занятость школьников домашним хозяйством, в том числе работой на огородах и «стоянием в очередях, где добывают продукты». Особо упоминаются ученики старших классов, которые ходят на «службу» как весной, так и зимой. Имеются факты внутренней миграции – отъезд родителей из города в сельскую местность. Немаловажное значение имела передача школьных зданий военному ведомству для поста воинских частей и организации госпиталей и «заразных» барачков [Там же, л. 102 – 102 об.].

В этот период началась эвакуация беженцев. Вместе с родителями город покидали дети. Например, 3-й класс школы № 4 почти полностью выбыл в связи с отъездом из города (беженцы и латыши, июнь 1919 г.). Школа № 66 «беженского типа» в количестве 170 человек, большинство из которых – дети 6-10 лет, не имела ни собственного здания, ни огорода, планировала вывезти детей летом в лагерь, но эвакуация и другие события помешали реализации этих планов [Там же, л. 97 об., 101 об. – 102].

В 1919 г. руководители органов народного образования по-прежнему оперировали приблизительными цифрами. По их данным, в Казанской губернии детей от 8 до 13 лет насчитывалось около 314 тысяч, в то время как в школу первой ступени было записано около 300 тысяч. Ставилась задача увеличить число учащихся первой ступени не менее чем на 15 тысяч. Потенциальными первоклассниками в скором будущем должны были стать примерно 130 тысяч детей в возрасте от 6 до 8 лет [Там же, л. 27]. Что касается школ г. Казани, то озвучивались суммарные данные без выделения школ первой ступени: 15544 человека учащихся с педагогическим персоналом в 873 человека, включая школьных врачей и технических служащих [Там же, д. 17, л. 14].

В Казани к началу нового учебного года (1919/1920) 31 школьное здание города было занято под лазареты и квартиры войск. Разрушила школьную жизнь начавшаяся эпидемия тифа. К декабрю 1919 г. заболело 500 детей. После освобождения зданий школ и пришкольных дворов от поста воинских частей и орудий занятия там не возобновились в силу антисанитарного состояния классов, поломанной мебели и полного выхода из строя мест общего пользования. Несколько школ в городе было закрыто из-за отсутствия вывоза нечистот. Только одна школа (№ 57, Пороховая слобода) указала на «дружное и тесное сожительство школы с пулеметной командой, пользовались общей кухней и были организованы общие завтраки» [Там же, д. 103, л. 122 – 122 об., 130].

Полное анкетирование школ г. Казани стало возможным только в 1920 г. Во многом это было связано с активизацией работы статистического отдела. Созданный еще в сентябре 1917 г., он периодически менял свое подчинение. В 1918 г. запросы, приходившие из Наркомпроса РСФСР, о численности учителей и учащихся школ губернии оставались без ответа. С момента основания статистического аппарата при бывшем Губотнаробе 8 октября 1919 г. деятельность его заметно оживилась [Там же, л. 148].

По данным проведенного в городе анкетирования, на 1 января 1921 г. в русских школах I ступени русские дети составляли абсолютное большинство учащихся. Так, одна из самых крупных городских школ с численностью 348 человек, расположенная в Адмиралтейской слободе, записала «все русские, дети рабочих». Представители татарского населения обучались во многих русских школах, но их количество варьировалось от 1 до 10%. В то же время в русско-татарской школе № 74 (район Фермы), приступившей к планомерным занятиям только с 16 сентября 1920 г., школьники из татарских семей составляли 25% [6, д. 422, л. 11-13]. Дети марийского, мордовского, удмуртского, чувашского народов составляли лишь несколько единиц. Выделялись отдельные графы для детей кряшен и для «иных национальностей», где могли быть записаны представители многих народов, проживавших на тот момент в г. Казани. Некоторые школы вписывали отдельной строкой еврейских детей. Так, например, в школе № 3 евреи составляли 36% от общего количества учащихся [Там же, л. 21-22].

Социальное происхождение учеников фиксировалось по трем категориям: рабочие, земледельцы, интеллигенция. Дети рабочих обучались во всех школах города, независимо от их местоположения. Политика «уплотнения» жилищного пространства привела к внутригородской миграции. Отличие состояло в том, что в слободских районах число детей рабочих доходило до 100%, а число «интеллигенции», куда, по всей видимости, включали детей служащих, не превышало 5-10%. В центральной части города число детей интеллигенции и служащих составляло от 10 до 30%. В то же время в тех школах, куда были зачислены учащиеся первых классов гимназий, эта категория достигала 50-60%. Во вновь организованной школе № 69 (1919 г., ул. Ленина), где традиционно проживали представители научной интеллигенции, этот показатель равнялся 85% [Там же, л. 65]. Группа крестьянских детей чаще всего фиксировалась в слободских школах, которые обслуживали близлежащие деревни. Процент их присутствия достигал 10%.

Впервые школьная статистика зафиксировала рост числа вновь принятых над числом выбывших детей школьного возраста – 25%. В советскую школу пришли дети 1911-1913 годов рождения, последнее предвоенное поколение, отцы которых еще не были мобилизованы на фронты Первой мировой войны. Наибольшее число выбывших было в центральных районах г. Казани, где основная доля учащихся была выходцами из семей интеллигенции и служащих (до 40%). Ряд школ г. Казани отчитались о первых выпускниках, окончивших советскую школу I ступени в 1920 г.

Анкеты 1920-го года содержали вопрос: «Осуществляется ли фактически обязательное обучение в районе, если нет, то почему». В большинстве случаев данный раздел остался без ответа. В то же время ряд школ среди причин невыполнения основного принципа обязательности обучения выделили три: нежелание родителей отдавать детей в школу, материальная необеспеченность детей и недостаток в классных помещениях [Там же, л. 2 об., 11-13, 18 об.].

Официальная статистика по народному образованию РСФСР, где также имеются сведения по Татарской автономной республике, уточняла, что речь идет только о тех школах, которые предоставили необходимые сведения. В ТАССР по состоянию на 1 января 1921 г. насчитывалось 140 городских школ I ступени с общей численностью 22149 человек: 3941 мальчиков, 4032 девочек, 14185 детей (65%) были записаны без указания пола (!). Для сравнения, городских школ II ступени в ТАССР насчитывалось 36 с общим числом учащихся 7091 [8, с. 122, 128].

Таким образом, оценивая в целом деятельность комиссариата по просвещению Казанской губернии и Казанского городского отдела народного образования по формированию сети школ советского типа в 1918-1920 годах, можно утверждать, что она осуществлялась в рамках основных направлений обязательной образовательной политики советского государства. В то же время решить основной вопрос об обязательности обучения детей школьного возраста в русских школах в этот период не удалось. Причины крылись, прежде всего, в материальной (социально-экономической) сфере, которая касалась как состояния школ, так и населения города, и, отчасти, неготовности (нежелания) населения города отдавать своих детей в школу. Немаловажным фактором в подвижности контингента учащихся стали миграционные процессы населения периода 1918-1920 гг. Наметившаяся тенденция к увеличению числа детей, принятых в школу в 1920 г., над количеством выбывших свидетельствовала о начале коренного перелома. Дальнейший ход исторических событий не смог закрепить эту тенденцию. Голод в Поволжье стал трагедией для миллионов людей. Школьная сеть подверглась сокращению. «Куда пойдут дети, когда им будет закрыт доступ в школы ввиду сокращения числа школ?». Этот вопрос стал основным в 1921-1923 гг. [3, с. 3].

Список источников

1. **Ахметова А. Р.** Ликвидация религиозного образования в Татарстане в постреволюционной трансформации культурных традиций татарского народа (по материалам Национального архива РТ) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2. С. 140-143.
2. **Латыпова Г. М.** Деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2013. 240 с.
3. **Меньшиков Вл.** Ближайшие задачи школьного строительства и условия их осуществления в наступающем 1921-22 году // Вестник просвещения. 1921. № 4-5. С. 1-12.
4. **Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ).** Ф. Р-271. Оп. 1.
5. **НАРТ.** Ф. Р-992. Оп. 1.
6. **НАРТ.** Ф. Р-3682. Оп. 3л.

7. Скрипкин И. Статистика народного образования в Татарской Республике // Вестник просвещения. 1921. № 1. С. 13-15.
8. Труды Центрального Статистического Управления. М., 1921. Т. VIII. Вып. I. Статистический ежегодник 1918-1920. 691 с.
9. Тугаев М. З. Октябрь и просвещение. Очерки истории просвещения в Татарии накануне Октябрьской революции и в первые годы Советской власти. Казань: КГПИ, 1970. 444 с.

FORMATION OF PUPILS' COMPOSITION IN THE I LEVEL SCHOOLS OF KAZAN IN 1918-1920

Krashennikova Tat'yana Petrovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Shuvalova Elena Mikhailovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Kazan (Volga region) Federal University
tatyana.vdovina@mail.ru; elena.shuvalowa2011@yandex.ru

The article analyzes the features of the organization and functioning of the school network in Kazan during the first post-revolutionary years (1918-1920). The implementation of one of the key principles of the Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR "On a Unified Labour School" on the compulsory education is considered. On the basis of archival documents, the selection process and the composition of pupils of the Russian city schools of the I level are studied, the reasons for sifting out of pupils, including the influence of social and economic factors, are revealed.

Key words and phrases: People's Commissariat of Education; unified labour school; Kazan; multinational composition of population; Russian city schools of I level; contingent of pupils; questioning; statistics.

УДК 31.316.733

Искусствоведение

В статье с точки зрения искусствоведения изучаются видеоигра «Braid» и средства ее художественной выразительности. Внимание автора обращено на категорию «времени» в пространстве игры. Время рассматривается как самостоятельно интегрированная в контекст сеттинга, сюжета и игровых механик структура. Проводится анализ с точки зрения гейм-дизайна, позволяющий показать, как философская категория становится средством трансляции постмодернистских смыслов и значений, являясь одновременно инструментом, элементом и непосредственным участником игрового процесса.

Ключевые слова и фразы: игра; видеоигра; «Braid»; время; сюжет; гейм-дизайн; искусство.

Лапшин Павел Викторович

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
pavlapsh@gmail.com

ИНТЕГРАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ» В КОНТЕКСТ СЮЖЕТА И МЕХАНИК ВИДЕОИГРЫ «BRAID»

Изучение видеоигр неразрывно связано с исследовательским подходом в современном искусствознании. С начала 1920-х годов категория времени отдалается от классического подхода (единства времени, места, действия) в поиске новых средств и инструментов художественной выразительности и обоснованности. Традиция постмодернизма заложила фундамент, который за важнейшими классическими философскими категориями искусства («образ», «пространство», «время», «текст») закрепил истолкование как метод с множеством смыслов и значений, ограничивающийся знаниями интерпретирующего. Данные категории начинают работать как онтологические категории, описывающие совокупность художественных практик. Они выступают в качестве ориентиров для организации восприятия произведения искусства и служат залогом его существования. Кинематограф один из первых стал исследовать идею манипуляций временем в визуальной среде, опираясь на сценарные находки и средства монтажа. Культовые кинофильмы (*Назад в будущее*, *Матрица*, *Эффект бабочки*) опередили общую культурную парадигму и закрепили условности демонстрации этих манипуляций в массовом сознании. Другим примером манипуляций со временными структурами можно считать различные эксперименты, которые получили распространение в видеоигровой сфере. Время – ключевой компонент любой игры, без которой она не может существовать. Согласно Й. Хейзинге, игре предаются в «свободное время», она имеет «временные рамки» [3, с. 32]. Время в видеоиграх с начала их существования выполняло функцию фиксации условного (положительного или отрицательного) результата игрока в виртуальном пространстве. Использовалось в качестве инструмента подсчета игровой сессии в целом. Например, выполняло функцию таймера в файтингах. Проблема введения более сложных временных паттернов в игровые нарративные пространства долгое время оставалась нереализуемой, как с технической, так и художественной точек зрения.

Начиная с 2000-х, в видеоигровой среде уже имеющиеся технологии позволяли использовать время как инструмент повествования или механизм геймплея. Первыми играми, в которых данная категория была вписана в сюжет или персонажи имели возможность как-либо влиять на время, стали: *Chrono Trigger* (1995), *Max Payne* (2001), *Prince of Persia: The Sands of Time* (2003). Остановка, перемотка или путешествие во времени,